

М. О. СКРИПЦЕВ

Повесть о Савве Грудцыне¹

I. История изучения «Повести о Савве Грудцыне»

Повесть о Савве Грудцыне — одно из крупнейших оригинальных произведений русской литературы XVII в. Она написана в эпоху колоссальных социальных сдвигов и обостренной классовой борьбы. Исторические события XVII в., быт, торговая деятельность и миропонимание представителей крупного торгового капитала Московского государства нашли в ней яркое отражение. Она стоит на страже интересов определенной социальной группы, любовно рисует образ героя этой группы и ее идеал жизни.

Внимание историков русской литературы, начиная с половины XIX в., неоднократно обращалось к этой повести. Но характерные для дореволюционной русской буржуазной истории литературы неумение и боязнь за литературно-художественным произведением увидеть борьбу классов с особой силой сказались на изучении «Повести о Савве Грудцыне». Это привело к тому, что социальный смысл повести, ее классовая заостренность остались в тени. На первое же место были выдвинуты демонологические и нравоучительные элементы повести, по сути дела имеющие в ней второстепенное, подчиненное значение.

Изучение повести о Савве Грудцыне начато А. Н. Пыпиным в его труде — «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (Ученые Записки второго отделения Академии Наук, 1858, кн. IV и отдельно). А. Н. Пыпин пользовался повестью в рукописях; ему известно 7 списков ее. Характеризуя образцы русской оригинальной повести, А. Н. Пыпин отмечает то обстоятельство, что они не вылились в определенную художественную форму и что их главное достоинство — это отражение в них черт старинного русского быта. «К концу старого периода нашей

¹ Настоящая статья представляет собою начало моего исследования о повести «Савва Грудцын».

письменности, — говорит он, — когда перешло в нее много западных повестей и романов, появляются и слабые начатки самостоятельной русской повести. Нет сомнения, что в старой словесности нашей не могла сколько-нибудь полно развиться эта литературная форма, и то, что может быть отнесено у нас к этому разряду произведений, не имеет никакого определенного характера. У нас невозможны были, конечно, истории с рыцарскими похождениями и романтической любовью, но русская повесть могла исполнить свое назначение и быть любопытным памятником литературы, если бы верно рисовала отличительные черты русской действительности. Как можно было пользоваться фактами нашего старинного быта, показывают отчасти немногие опыты русской повести, известные теперь по рукописям». Напр., повесть о Савве Грудцыне.¹

Переходя к более подробной характеристике нашей повести, Пыпин замечает: «Сказание о Савве Грудцыне есть какое-то соединение правоучительной повести с историческим рассказом; в нем нет той живости изложения, какую отличается Фрол Скобеев, нет и такой одушевленной картины нравов, нарисованной по поводу приключений героя. Нравоучительное направление, которым проникнута наша повесть, было общею наклонностью того времени, и сочинителю трудно было от нее освободиться; при всем том изложение не так страдает от этого, как можно было бы ожидать».² Таким образом, А. Н. Пыпина интересует прежде всего вопрос о том — вылилась ли в XVII в. русская оригинальная повесть (подобная «Повести о Савве Грудцыне») в определенную художественную форму. На этот вопрос он отвечает отрицательно. Вопрос об отражении в «Повести о Савве Грудцыне» старинного русского быта А. Н. Пыпиным решается очень обще, без конкретного указания — быт какого именно социального слоя в данной повести отражен. С особой настойчивостью А. Н. Пыпин отмечает нравоучительный характер «Повести о Савве Грудцыне».

Замечания, высказанные А. Н. Пыпиным, неоднократно повторялись последующими исследователями повести о Савве Грудцыне.

В 1859 г. повесть о Савве Грудцыне была впервые издана по рукописи первой половины XVIII в., принадлежащей Е. Д. Филимонову, во

¹ См. назв. соч., стр. 278. Выше, стр. 11—12, мы находим у Пыпина эту же самую мысль, только несколько иначе выраженную: «Примеров легкой повести, — говорит он, — взятой из русского быта, в роде сказаний о Савве Грудцыне, истории о Фроле Скобееве, до сих пор известно очень мало, и они не составляют целого направления. Эти повести вообще любопытны по чертам народной жизни, но по характеру неопределенны, потому что не успели образоваться в отдельную независимую форму».

² Ibid., стр. 278.

II т. «Летописей русской литературы и древности» Н. С. Тихонравова (Материалы, стр. 61—80).

В 1861 г. в I т. «Памятников старинной русской литературы» наша повесть была напечатана Н. Костомаровым по двум спискам: по списку Ленинградской Публичной Библиотеки in 8°, № 75 и по списку конца XVII или начала XVIII в., сообщенному Белозерским. Оба эти списка имеют различия между собою, а также не сходятся и со списком, напечатанным в «Летописях...». В примечании к изданным спискам повести о Савве Грудцыне, Н. Костомаров отмечает важность этой повести, как произведения, отразившего черты русского быта XVII столетия. Кроме этого, он останавливается на вопросе об ее источнике; и, по его мнению, источником повести о Савве Грудцыне является «Повесть о Евладии, спасенном Василием Великим». Приводится Костомаровым и текст этой повести «по списку XVIII в., сделанному в Малороссии, как показывают оттенки языка».¹

В замечаниях А. Галахова по поводу повести о Савве Грудцыне² мы встречаем нечто новое, а именно — указание на сходство между повестью о Савве Грудцыне и апокрифом о рукописании, данном Адамом дьяволу. В остальном А. Галахов идет вслед за Пыпиным и Костомаровым.

Автор статей «О влиянии западно-европейской литературы на древне-русскую» (Труды Киевской духовной академии 1872 г. апрель—август) Н. Петров сопоставляет повесть о Савве Грудцыне с одним из рассказов «Звезды пресветлой» («Звезда пресветлая», ркп. Киевск. дух. акад. № 0.4°, 46, глав. 4, чудо 5).

Сходство между этими двумя произведениями заключается в том, что в каждом из них мы находим «мотив отречения от Христа, предания себя дьяволу и избавления от него». Повидимому, Н. Петров не склонен объяснять это сходство литературной зависимостью одного произведения от другого и указывает на него только как на простую параллель.³

Н. С. Тихонравов в своей рецензии на вышеуказанное сочинение А. Галахова говорит: «Апокриф о рукописании, данном Адамом дьяволу, на который указывает Галахов при разборе повести о Савве Грудцыне, находится лишь в весьма отдаленной связи с нею. Столь же нетвердо указание «Истории русской словесности» и на другое сказание, которое

¹ Памятники, т. I, стр. 169—192

² История русской словесности, древней и новой, СПб., 1863, т. I, стр. 284.

³ Тр. Киевск. дух. акад., 1872, август, стр. 747 и 749—750. См. также В. Водовозов, Древняя русская литература от начала грамотности до Ломоносова, СПб., 1872, стр. 283. И Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, часть I, 1872, стр. 113.

будто бы послужило зерном нашей повести», т. е. на Сказание об Евладии, спасенном Василием Великим. Сам же Н. С. Тихонравов в вопросе об источниках повести о Савве Грудцыне придерживается совершенно особого мнения, до него еще никем не высказанного: «Повесть о Савве Грудцыне, — замечает он, — спасенном от вечной гибели заступничеством божией матери, несомненно, примыкает к циклу легенд о богородице. Прототипом ее была, конечно, знаменитая византийская легенда о Феофиле, которая приурочивается к 538 году». Немного ниже он вновь повторяет: «Византийское сказание о Феофиле... легло в основу повести о Савве Грудцыне».¹

А. Н. Веселовский в статье о древне-русской повести, помещенной во 2-м издании «Истории русской словесности, древней и новой» А. Галахова (СПб., 1880 г.), касается также и нашей повести. Его, во-первых, интересуют те причины, под воздействием которых могли создаваться произведения, подобные повести о Савве Грудцыне. «Такие памятники, как... повести о бесноватой жене Соломонии и о Савве Грудцыне, — замечает А. Н. Веселовский, — настолько же определились реальным усвоением средневекового христианского мирозерцания, насколько литературным его выражением в житиях и легендах византийской поры». Во-вторых, по мнению А. Н. Веселовского, повесть о Савве Грудцыне не возбуждает глубокого психологического и исторического интереса, так как она является в сущности чудом Казанской богородицы, рассказанным с целью указать, «как человеколюбивый бог долготерпелив сый, ожидая нашего обращения, и неизреченными своими судьбами всякого человека проводит во спасение», а современная ей историческая эпоха отразилась в ней лишь внешними культурными подробностями. Далее, в-третьих, А. Н. Веселовский останавливается на мотиве о рукописании и, назвав его «ходячим мотивом старой легенды», замечает, что этот же мотив встречается в апокрифическом Слове об Адаме и Сказании о Феофиле. Параллели же к мотиву «греховной любви» он указывает в легенде об Евладии, «в двух голландских духовных стихах и в немецкой народной песне о св. Гертруде». Наконец, в-четвертых, Веселовский обращает внимание на то обстоятельство, как непохожа повесть о Савве Грудцыне на романы XVI—XVII вв., или переведенные с Запада, или же, хотя и сложившиеся на русской почве, но под влиянием западно-европейских произведений.²

¹ Рец. была напечатана в 1878 г. в Отч. о 19-м присуждении уваровских премий. Цит. по Собр. соч. Тихонравова, т. I. стр. 65—66.

² См. назв. соч., стр. 483, 485, 490, 493 и 496

В 1880 г. в «Памятниках Древней Письменности» (вып. III, стр. 43—66) повесть о Савве Грудцыне была вновь напечатана по списку первой половины XVIII в., сообщенному С. Писаревым. Текст этого списка не совпадает с текстами списков, изданных ранее. Из замечаний, сопровождающих издаваемый Писаревым список, стоит остановиться только на одном, в котором Писарев старается выяснить генезис данной повести. По его мнению, эта повесть в основе своей не что иное, как «народный рассказ». «Судя по указанию в нем (т. е. в этом «народном рассказе» — в повести о Савве Грудцыне М. С.), — говорит С. Писарев, — на время совершения действия, лица и обстановку события, можно сказать, что он имеет историческую основу. Во время царствования Михаила Феодоровича был какой-то Савва Грудцын, действия которого казались слишком загадочными для современников. Суеверный народ объяснил их по-своему и составил рассказ о нем; но этот рассказ был в свое время изукрашен книжником из духовенства, применен к религиозно-назидательной цели и назван «повестью». В таком виде он и дошел до нас. Тем не менее, повесть эта не мало отражает собою быт Руси в 17-м веке и некоторые взгляды народа на происшедшие события; а по творчеству, в котором долю участия принял и книжник, весьма интересна».¹

Л. Н. Майков обратил свое внимание на повесть о Савве Грудцыне, как на произведение, затрагивающее вопрос, решение которого занимало не мало умов Московской Руси второй половины XVII в. Вопросом этим является «вопрос об отношениях между двумя поколениями», об отношениях между отцами и детьми. Рассматривая, с одной стороны, «Комедию притчи о Блудном сыне» С. Полоцкого, а с другой — повесть о Савве Грудцыне и повесть о Горе-Злочастии, Л. Майков отмечает те особенности в решении вопроса об отношениях между старым и юным поколениями, которые встречаются в этих произведениях. «Не говоря уже о том, — замечает Майков, — что в обеих повестях злему началу придан фантастический характер, герои их, представители молодого поколения, лишены каких-либо определенных стремлений: они почти случайно уклоняются от отеческих заветов и неодолимою силой обстоятельств увлекаются до совершенного падения. Напротив того, в драме Полоцкого, при большем реализме в обстановке содержания, сын заявляет желания более созна-

¹ Пам. древн. письм., 1880, вып. 111, стр. 46. См. также о повести «Савва Грудцын» — А. Н. Пыпин, «Для любителей книжной старины», М., 1888, стр. VIII. П. Владимиров. О цикле сказаний о прельщенном отроке. Отчеты о заседаниях Общества Любителей древней письменности в 1885—1886 гг. СПб. 1887, стр. 33.

тельные: он просит выдела своей части в наследстве и, вместе с тем, свободы итти в чужие страны, чгобы прославить себя и своего отца и «сбогатиться умом». И в дальнейшей своей судьбе, в самом несчастии своем, герой Полоцкого падает не по роковому стечению случайностей, но в силу собственного увлечения. Наконец, когда настает час искупления, герои обеих повестей обретают себе единственный исход в «спасенном пути» монастырского жития, между тем как Блудный возвращается под родительский кров и здесь как бы возрождается для новой, честной жизни среди близких. Таким образом, представитель молодого поколения изображен у Полоцкого чертами более привлекательными, чем герои повестей. Точно так же и образ отца обозначен у него более симпатичными, более мягкими красками: в обеих повестях характер родителя запечатлен непреклонною строгостью, не знающею никакого снисхождения, никаких уступок; напротив того, у Симеона в отце Блудного мы видим благодушного старца, который хоть и с огорчением, но без гнева соглашается на желание сына странствовать, и позже, когда его опасения оправдались, и сына постигло несчастье, с прежней любовью принимает его в свои объятия. Выставив в таком свете главные характеры пьесы, Симеон очевидно старается изобразить отношения двух поколений в примирительном духе.¹ Этой черты мы не находим ни в повести о Горе-Злочастии, ни в повести о Савве Грудцыне.

Попытка Л. Н. Майкова сопоставить повесть о Савве Грудцыне с произведениями, возникшими приблизительно в одно время с нею, весьма любопытна. Благодаря такому сопоставлению яснее вырисовываются характерные особенности нашей повести. Но эта попытка не встретила поддержки у последующих исследователей «Саввы Грудцына».²

В 1901 г. в одном из заседаний Московского археологического общества, А. С. Мадуев прочел сообщение: «Повесть о Савве Грудцыне и легенды о Феофиле Икономе».³

Как видно из протокола заседания, докладчик сопоставлял данные произведения «в надежде найти между ними родственные черты». Им отме-

¹ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст., СПб., 1889, стр. 131—134. См. также о Грудцыне, стр. 223—224.

² В замечаниях Алексея Веселовского о повести «Савва Грудцын» нет ничего нового. См. Западное влияние в новой русск. лит., изд. 2-е, 1896, стр. 33. См. также о повести: И. Порфирьев, История руск. слов., ч. I, 1897, стр. 714—716; А. Н. Пышин, Ист. русск. лит., т. II, 1898, стр. 545—547 и 561; т. III, 1902, стр. 399—400; В. П. Горленко, Южнорусские очерки и портреты, Киев. 1898, стр. 126—127. Здесь автор ошибочно считает народный украинский, весьма сокращенный пересказ Сказания об Евладии, спасенном Василием Великим, — пересказом повести о Савве Грудцыне. П. Шеффер. Сообщение о лицевом списке повести. См. Памятники древней письменности СXXXIX—СXXXIV, отчеты о заседаниях в 1897—1898, стр. 28

³ Древности. Труды славянской комиссии Моск. археол. общ., т. III, 1902, стр. 47.

чено сходство основной мысли этих произведений (отречение от бога ради пристрастия к земным благам и раскаяние героев обоих произведений) и сходство в некоторых частностях их конструкций: «Как богородица является посредницей при сношении героев повестей с богом, так и при их общении с «Духом тьмы» являются посредствующие лица: в Феофиле — «волхв-евреянин», а в Грудцыне — лжебрат Саввы, один из бесчисленных адских духов». «Из других внешних черт обоих сказаний, — говорит Мадуев, — особенно сходен как в том, так и в другом сказании самый акт продажи души с сопровождавшими его обстоятельствами; иных же более близких сходств... нет».

Таким образом, А. С. Мадуев стремился научно обосновать мысль, ранее высказанную Н. С. Тихонравовым.

На повесть о Савве Грудцыне, по мнению Мадуева, могли также влиять и другие демонологические сказания, в частности — сказание об Евладии.

Вывод сообщения А. С. Мадуева — следующий: «... Находясь по своей основной идее в ближайшем родстве с Феофилом, Грудцын все же остается самостоятельным произведением, изображающим картины быта и нравов древнерусской жизни».

Заслуживает внимания мнение о среде, в которой возникла повесть о Савве Грудцыне, высказанное одним из оппонентов А. Мадуева — Н. П. Поповым. «Н. П. Попов, — говорится в протоколе, — основываясь на сходстве взглядов в повести о Грудцыне на Шейна со взглядами на него в боярской среде, высказал предположение о зарождении этой повести именно в этой среде».¹

В книге В. Сиповского «Русские повести XVII—XVIII вв.» СПб., 1905, в числе прочих русских повестей была напечатана и повесть о Савве Грудцыне, по списку Ленинградской Публичной Библиотеки: Q. XVII, 196. Текст этого списка совпадает с текстом, напечатанным в «Летописях...» Н. С. Тихонравова; разночтения касаются только мелочей.

Во введении к изданию «Русских повестей» В. Сиповский интересуется историей христианского романа, в частности же — происхождением русской оригинальной повести, как определенного поэтического жанра. Мы остановимся только на тех местах введения, которые имеют ближайшее отношение к повести о Савве Грудцыне.

¹ См. о «Савве Грудцыне» также: Н. М. Мендельсон. Демонологическое сказание XVIII в., Известия Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1902, т. VII, кн. 2, стр. 79—96.

«XVII век, — говорит Сиповский, — дает нам ясные указания на те два течения, которые пошли в нашей поэзии от апокрифов: 1) через посредство духовных стихов к чудной стихотворной повести «О Горе-злочастии», и 2) от апокрифического «жития» — к сказанию и повести, а затем — или: а) в устной поэзии — к народной сказке, или: в) в письменной — к роману о Савве Грудцыне». Путь от апокрифического жития до «Саввы Грудцына» русская повесть, по мнению В. Сиповского, прошла через такие посредствующие ступени, как «Повесть о Муромском князе Петре», «Сказание о Марии и Марфе», «Повесть о пресвитере Тимофее», «Сказание об Иулиании Лазаревской» и др.

В тех замечаниях В. Сиповского, в которых он останавливается специально на повести о Савве Грудцыне, мы находим решение вопроса об ее источниках. «Первообразом» данной повести, по мнению автора, надо признать сказание об Евладии. Могли влиять на нее также и другие сказания, «в которые входят мотивы о продаже души бесу» — рассказ из «Звезды Пресветлой», сказание о Феофиле, песнь о св. Гертруде, апокриф об Адаме. . . К этому перечню демонологических сказаний, сходство которых с повестью о Савве Грудцыне уже отмечалось раньше, В. Сиповский прибавляет еще апокрифическое житие св. Киприана. Останавливается В. Сиповский также на отражении русского быта в нашей повести и делает характеристику — героев повести, отдельных картин ее, а также некоторых приемов ее изложения.¹

Статья В. А. Розова — «Повесть о Савве Грудцыне» (Киевск. Унив. Известия, 1905, № 3, стр. 1—7 или «Эранос». Киев. 1906, стр. 231—241) интересна для нас, главным образом, как попытка определить время и место возникновения нашей повести. Сравнивая повесть о Савве Грудцыне с сочинением Агапия Критянина — «Ἀμαρτωλῶν σωτηρία», В. А. Розов отмечает в них целый ряд сходных черт: прославление могущества и милосердия богородицы в обоих произведениях, монашеская тенденция их и множество отдельных общих мотивов (около 20). Сочинение «Ἀμαρτωλῶν σωτηρία» было переведено в Чудовом монастыре в конце XVII или в начале XVIII в.; здесь, в это же приблизительно время, были переведены и другие произведения (чудеса от икон богородицы в Уваровском сборнике № 2071 и «Звезда пресветлая»), которые по входящим в них мотивам сближаются с сочинением

¹ Назв. соч., стр. XVI—XVII; XXVIII; XXXVII—XLIII; LIV. См. рецензию на это соч. С. Розанова в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, 1904, т. IX, кн. 4 (Библиография, стр. 366—379). Рецензия эта любопытна как критика теоретических воззрений В. Сиповского и как добавление некоторых фактических данных к его книге.

Агапия Крютянина, а также и с повестью о Савве Грудцыне. Собрание в стенах Чудова монастыря произведений, однородных по духу, показательно для характеристики литературных вкусов его обитателей. Повесть о Савве Грудцыне, как говорилось, весьма близка к переведенным в Чудове произведениям; кроме того — она «проникнута теми же началами, за которые ратовали в стенах Чудова». Все это побуждает В. А. Розова «предположить, не вышла ли и наша повесть также из рук чудовских деятелей. За это, — замечает автор, — говорит и упоминание в ней Чудова, как места пострижения Саввы. Возможны два случая. Быть может, повесть построена на каком-либо местном предании. Тогда автором ее естественнее всего мог явиться инок той обители, где совершилось событие и создавалась легенда о нем. Если же повесть — дело исключительно вымысла, то опять таки выдвигать в ней Чудов монастырь и его святыни важнее всего было для его монахов». Вывод В. А. Розова таков: «Повесть о Савве Грудцыне, повидимому, появилась во второй половине XVII в., в Москве, в стенах Чудова монастыря».

Кроме попытки определить время и место написания повести о Савве Грудцыне, мы находим также в статье В. Розова определенно выраженной ту мысль по поводу источников настоящей повести, намеки на которую чувствовались уже давно. «По нашему убеждению, — говорит автор статьи, — искать для нее (для повести о Савве Грудцыне. М. С.) определенный источник бесполезно. Ее мотивы, мысли, даже выражения шаблонны в житийной литературе. Почти каждую черту «Саввы Грудцына» в отдельности можно проследить по множеству житий и повестей религиозного характера, но нигде мы не встречаем их собранными в одном фокусе, как видим в нашей повести, нигде не находим слияния житийного материала с русскими историческими и бытовыми подробностями. Автор нашего произведения обладал большою начитанностью, черпал нужный ему материал отовсюду, но настолько обезличивал заимствованное, что мы теперь не можем с решительностью утверждать, что данная черта взята именно из того, а не другого сходного с ним по мотиву рассказа».¹

Очень подробно и обстоятельно рассмотрена повесть о Савве Грудцыне А. С. Архангельским в его труде: «Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (конец XV—XVII вв.)».

¹ См. о повести также: Е. В. Петухов, Русск. литература. Древний период, Юрьев, 1912, стр. 346—350. Между прочим, Е. Петухов повторяет (стр. 350, прим. 1) указанную нами выше ошибку В. Горленка. Ф. А. Рязановский, Демонология в древне-русской литературе. Москва, 1916. Стр. 51, 59—60, 65—66. М. Н. Сперанский, История древней русской литературы. Московский период. Издание 3, Москва, 1921, стр. 206—207.

Казань, 1913 г. Но во взглядах проф. Архангельского на нашу повесть не много оригинального, и им ее изучение не подвинуто вперед.

В 1925 году напечатана специальная работа о «Савве Грудцыне» на немецком языке — «Die Faustsage im Russischen Schrifttum». Von Dr. Konrad Bittner. Это типичный образец ранней фашизации немецкого литературоведения. Расовая теория применяется здесь для объяснения литературных фактов, в частности — различия между образом немецкого Фауста и героя «повести о Савве Грудцыне». В этом противопоставлении, научно не обоснованном, весь смысл данной работы. Идеиное содержание и классово-организующая роль повести оказались недоступными ее немецкому исследователю. Основные выводы К. Битнера ничем не обогащают наших научных представлений об этом важнейшем произведении русской повествовательной литературы XVII в. Некоторое научное значение имеет только глава «Sawwa Grudcyn. Zeit und Ort der Entstehung. Quellen». Но недостаточная ориентировка К. Битнера в русских материалах исторического и литературного характера не дала ему возможности правильно определить ни время, ни место, ни источники «повести о Савве Грудцыне».

Подводя итог этому беглому обзору истории изучения повести о Савве Грудцыне, можно сказать следующее:

1. Напечатано пять списков повести о Савве Грудцыне.
2. Собрано некоторое количество материала для решения вопроса об источниках нашей повести. Но предлагавшиеся решения — противоречивы.
3. Было кратко указано на отражение в повести о Савве Грудцыне черт старинного русского быта.
4. Делались попытки охарактеризовать ее в связи с современными и последующими ей поэтическими произведениями древней Руси.
5. Был поднят вопрос о месте, среде и времени написания повести «Савва Грудцын». Решения этого вопроса — противоречивы.

Итак, необходимо признать, что окончательного решения ряда важнейших вопросов, связанных с изучением «Повести о Савве Грудцыне», мы не находим у ее прежних исследователей. Не определены время и социальная среда ее создания. Не раскрыт ее идейный смысл. Не решен вопрос об ее источниках. Не изучен даже текст ее.

Все это дает нам право заново пересмотреть основные вопросы, важные для правильного истолкования «Повести о Савве Грудцыне», на основе всех известных в настоящее время списков ее и изданных в последние годы литературных и исторических материалов.

II. Историко-бытовая основа „Повести о Савве Грудцыне“

1

В самом тексте «Повести о Савве Грудцыне» есть ряд указаний, по которым с довольно большой точностью мы можем установить время действия повести и ту социальную группу, быт, интересы и настроения которой в ней нашли свое отражение.

Начало действия «Повести о Савве Грудцыне» указывается очень точно: «Бысть убо в лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ попусти богъ на Московское государство богомерзкого отступника еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престолю россійского государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Россійскому Государству умножися злочестивая литва и многая пакости и разоренія народомъ россійскимъ на Москвѣ и по градомъ творяху, и от того литовскаго разоренія многія дома свои оставляху, и из града во град бѣгаху».¹

Здесь и дата, и упоминание имени Отрепьева, и описание разрухи не оставляют никакого сомнения в том, что начало действия повести относится к началу XVII в., к 1606 году. Заканчивается же развертывание действия «Повести о Савве Грудцыне» болезнью и пострижением героя повести в монахи Чудова монастыря. Об иноческой жизни Саввы Грудцына говорится очень кратко: «... И нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребывая, в постѣ и молятвахъ неусыпныхъ, угождая Господеву; и тако поживе лѣта довольна, ко Господу отъиде с миром; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ».²

Определить точно время болезни и ухода Саввы Грудцына в монастырь и тем самым определить конец действия «Повести о Савве Грудцыне» мы не имеем возможности, вследствие весьма неопределенных указаний об этом в повести. Савва Грудцын заболевает «не малу же времени минувшу» после своего возвращения из-под Смоленска, в осаде которого он, по повести, принимал участие. Какой срок времени имеет в виду автор повести под этим «не малу же времени минувшу», определить, конечно, невозможно. Да это для решения вопроса об историко-бытовой основе «Повести о Савве Грудцыне» и не имеет большого значения, так как описание в ней тех событий, которые в какой-то степени могут являться осколком подлинной

¹ Цит. (здесь и ниже) по списку Ленинградск. Публ. Библиотеки, I, 0.75, изданному Н. Костомаровым в Памяти. старинн. русск. литературы, т. I, 1861, стр. 169—180.

² Ibid., стр. 180.

действительности, кончается описанием возвращения Саввы Грудцына из-под Смоленска.

Мы можем точно определить, какую именно осаду Смоленска в данном случае имеет в виду автор повести. Город Смоленск был взят польскими войсками в 1611 г. В течение XVII в. русские войска трижды стояли осадой под Смоленском: в 1613—1615 гг., в 1632—1634 гг. и в 1654 г. В повести может идти речь только об осаде 1632—1634 гг. В самом деле, все действие «Повести о Савве Грудцыне» происходит в царствование Михаила Федоровича. Последняя же осада Смоленска, в 1654 г., была в царствование Алексея Михайловича и под его личным руководством. Следовательно, эта дата отпадает.

Осаду же 1613—1615 гг. автор не мог иметь в виду, так как ряд фактических указаний повести противоречит этой дате. Во-первых, в повести говорится о том, что Савва Грудцын еще до своей поездки под Смоленск был вызван в дом шурина царя Семена Лукьяновича Стрешнева. Михаил Федорович женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой 5 февраля 1626 г. Следовательно, шурином царя Семен Лукьянович Стрешнев стал только в 1626 г.

Во-вторых, в повести есть упоминание о том, что во главе всего московского войска под Смоленском стоял боярин Шейн. Из бояр Шейнов с судьбой Смоленска теснейшим образом связана судьба Михаила Борисовича Шейна. М. Б. Шейн с 1608 г. был воеводой г. Смоленска. В течение 1609—1611 г. он выдержал в Смоленске польскую осаду. После падения Смоленска, с 1611 и по 1619 г. М. Б. Шейн был в польском плену. Таким образом, автор «Повести о Савве Грудцыне» не мог иметь в виду осаду московскими войсками Смоленска в 1613—1615 гг.

Остается последняя дата, 1632—1634 гг. По отношению к этой дате указания «Повести о Савве Грудцыне» вполне совпадают с историческими свидетельствами: московскими войсками под Смоленском в эти годы руководил М. Б. Шейн.

Итак, эпоха, к которой приурочено действие «Повести о Савве Грудцыне», довольно точно может быть определена как первая треть XVII в.

С такой же точностью можно определить и ту социальную группу, настроения, интересы, быт и деятельность которой изображены в «Повести о Савве Грудцыне». Об этом в самой повести есть ряд указаний. Так, боярин Шейн говорит Савве Грудцыну: «Азь убо знаю отца и сродников твоихъ, яко безчисленно богатство имуть». То же самое говорит и «назван-

ный брат» героя повести: «Азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать». Об одном из действующих лиц повести, Божене Втором, говорится: «знаемъ быше во многихъ градѣхъ благонаправного житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и по премногу знаемъ и дружень бѣ Саввину отцу Ѡомѣ Грудцыну».

Особенно же замечательно то, что герой повести носит имя хорошо известного, на протяжении всего XVII в., в Московском государстве богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых.

В первой половине XVII в. Грудцыных-Усовых мы находим в числе торговых людей двух крупнейших торговых центров Московского государства — Великого Устюга и Москвы. Грудцыны-Усовы принадлежат к «лучшим» людям посада как по своему богатству, так и по оказываемому им московским правительством доверию. Так, Яким Грудцын, принадлежащий к гостинной сотне г. Москвы, «сосредоточил в своих руках приблизительно $\frac{1}{23}$ часть всех капиталов сотни, в которой 158 чел.»¹ По окладному списку 1629 г. он вместе с детьми и племянниками был обложен в 1 р. 6 ал. (самый высший оклад). В 1634 г. Яким Грудцын был выбран на Москве гостями и торговыми людьми гостинной и суконной сотен и черных сотен и слобод сборщиком пятинны 142 г. в Пермь Великую, Соль-Камскую, Кайгородок и в городки и острожки Строгановых.² Грудцын Алексей по поручению правительства в 1633 г. купил «съ товарищи» в Устюге и в устюжском уезде «у всяких людей на государя» 12 327 $\frac{1}{2}$ четвертей хлеба; Грудцыну Степану в 1638 г. было поручено здесь же купить для Сибири 7 000 четвертей ржи.³ Сын Якима Грудцына — Грудцын Иван Якимов был в числе торговых людей на Соборе 1642 года, созванном для решения вопроса: «должно ли удержатъ за Россією взятый Донскими Козаками городъ Азовъ или отдать оный Туркамъ обратно».⁴ Гостинной сотни Сила Якимов сын Грудцын-Усов, очевидно — один из сыновей московского купца Грудцына Якима, во второй половине XVII в. живет в Устюге Великом. Это очень состоятельный человек. В Великоустюжской летописи под 1659 г. мы находим следующую запись о нем: «Въ тоже лѣто въ Гледенскомъ Троицкомъ монастырѣ заложена, вмѣсто ветхой деревянной церкви, каменная троицкая церковь съ придѣломъ во имя Св. Николая Чудотворца,

¹ Е. Сташевский. Пятинна 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства, см. ЖМНП, № 5, 1912, стр. 113.

² Ibid., № 4, стр. 283.

³ Ibid., № 5, стр. 102—103.

⁴ Собр. Госуд. грамот и договоров, ч. III, Москва, 1892, стр. 384.

иживеніемъ гостинной сотни Силы Грудцина».¹ По одному из документов мы видим, что в 1665 г. Сила Грудцын является уже гостем и владеет рядом лучших в Устюжском и в Усольском уездах деревень: «Да въ Устюжскомъ же и въ Усольскомъ уѣздѣхъ у гостя у Силы Усова Грудцина, и племянниковъ ево и у посадкихъ людей, и у попов, и у всѣхъ церковниковъ своихъ купленныхъ деревень много, а въ тѣхъ де ихъ деревняхъ живутъ за ними половики...; а они де гость Сила, и племянники ево, и посадккіе люди, и подьячіе, и церковники владѣють лутчими деревнями...».² Особенно же богат и известен был гость Василий Иванович Грудцын, живший во второй половине XVII в. в г. Великом Устюге. Кроме торгового предприятия, ему принадлежал ряд деревень, купленных им у наиболее крупных представителей торгового капитала — Никифора Ревякина и Алексея, Василия и Кирила Босово.³ В 1675 г. он на «государевой службе» в таможене г. Архангельска.⁴ Он хорошо известен московским царям. В летописи Великоустюжской мы находим следующее упоминание о нем под 1693 годом: «Мѣсяца іюля на 20-е число, въ вечеру, въ первомъ часу нощи, приплыль к Устюгу Великому на седми судахъ государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ и изволилъ остановиться въ домъ гостя Василія Грудцына, что близъ Сумеоновской церкви».⁵

Очевидно, что исторические Грудцыны-Усовы являются представителями крупного торгового капитала московского государства XVII в. Они, судя по ряду документов, широко известны во всех главнейших московских торговых центрах: Архангельске, Великом Устюге, Москве и т. д. Присвоение их имени герою «Повести о Савве Грудцыне», вне всякого сомнения, лишній раз свидетельствует о том, что именно об этой социальной группе, о представителях крупного торгового капитала, говорит повесть.

Итак, хронологическое и социальное приурочивание содержания «Повести о Савве Грудцыне», как оно дается самим автором повести, совершенно очевидно: повесть изображает представителей крупного торгового капитала первой трети XVII в.

2

Приведем несколько исторических справок, необходимых для определения историко-бытовой основы «Повести о Савве Грудцыне».

¹ А. А. Титов. Летопись Великоустюжская, М., 1889, стр. 66.

² Акты Холмогорской и Устюжской епархии, ч. I, СПб., 1890, стр. 393.

³ Ibid., стр. 588, 902—903, 907 и 908.

⁴ Крепостная мануфактура в России. Часть I, Тульские и каширские железные заводы. Труды Археографической комиссии Академии Наук. Л., 1931, стр. 301—302.

⁵ А. А. Титов, *ibid.*, стр. 72.

В эту эпоху, так ярко отмеченную большими революционными движениями, представителям торгового капитала, особенно крупного, принадлежала весьма видная политическая роль. Они в начале века принимали деятельное участие в свержении Названного Дмитрия, подготавливали воцарение Василия Шуйского, и их выступление решило его избрание. Они в течение четырехлетнего царствования Василия Шуйского все время поддерживали его правительство и деньгами и «ратями».

Подобную же роль играли представители крупного торгового капитала и в борьбе с польско-тушинскими войсками.

Длительная гражданская война губительно отражалась на торговых сношениях Московского государства. Прекращалось движение купеческих караванов по основным торговым водным путям: по Средней Волге, Каме, Сухоне. Летописи отмечают многочисленные нападения в эти годы отдельных отрядов литвы, черкас и русских «воров» на большие торговые центры северных окраин Московского государства: Холмогоры, Вологду, Великий Устюг и пр.¹

В то же время весьма беспокойными становились «меньшие люди» посада. Классовые противоречия проявлялись с исключительной обнаженностью. «Все это, — говорит М. Покровский, — показывало купеческому капиталу, что продление междоусобной войны грозит ему полной гибелью».²

Этим и объясняется та исключительная энергия, которую проявили представители крупного торгового капитала в организации «ополчения». Весьма характерно, что это движение началось с Нижнего-Новгорода, уже в то время бывшего важным торговым центром, на складах которого сосредоточивались восточные и западно-европейские товары перед их рас-

¹ Так, Великоустюжская летопись, говоря о литве и поляках, пришедших вместе с Отрепьевым, замечает: «Нѣдцы же отъ нихъ, достигше близъ моря океана града, глаголемаго Холмогоры, и весь разграбили и опустошили. Оттолѣ же двинушася, пошли въ верхъ Двиною рѣкой к Устюгу Великому, хвалящесе въ конецъ его раззорити» (см. А. Титов. Летопись Великоустюжская, М., 1889, стр. 50—51). В Вологодском летописце находим следующую запись: «Лѣта 7121 (1613) сентября въ 22 день польскіе и литовскіе люди были на Вологдѣ и градъ Вологду пожгли весь и многихъ людей побили и въ полонъ увозили...» (см. Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря, составленное П. Саввантовым, СПб., 1860, стр. 47. См. также запись под 7123 г., стр. 47).

Архимандрит Питирим и дьяк Губин, отправленные для сбора пятинны 122 г. в северо-восточные города, писали царю: «а збор, государь, мал, потому что Тотма и Тотомской уѣздъ и Устьянская волости отъ литовскихъ людей и от черкас и от казаковъ разорены и многия люди высячены». Они же сообщали из Соли Вычегодской, что им велено по наказу досматривать лавок, амбаров и промыслов, — «и у Соли, государь, лавокъ и амбаровъ нѣтъ, пожгли Литовскіе люди, и многихъ людей, сказываютъ, побили» (См. С. Веселовский, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ в первые годы царствования Михаила Федоровича, М., 1909, стр. 40).

² М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. 1934, стр. 51.

пространением по многочисленным внутренним торговым артериям Московского государства.

О том, как сложился союз между торговыми людьми и дворянством, прекрасно рассказывает грамота кн. Пожарского: «В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, ревнуя по бозе, по православной христианской вере, не пощады своего имени, дворян и детей боярских смолян и иных многих городов сподобили неоскудным денежным жалованьем».¹

Высокое вознаграждение войскам обеспечило согласие между дворянами и торговыми людьми, с одной стороны, стрельцами и людьми «украинских градов», с другой стороны. Купеческо-помещичье ополчение оказалось победителем в борьбе с польско-тушинскими войсками.

После избрания Романовых политическое влияние представителей крупного торгового капитала долгое время осуществлялось через земские соборы, так как на этих соборах, весьма часто собиравшихся в царствование Михаила Федоровича, решительное большинство принадлежало помещикам и купцам. Гости и торговые люди гостинной и суконной сотен стали своего рода привилегированным сословием.

В их руках была вся основная торговля как внутренняя, так и внешняя: с Западной Европой, Персией и др. странами. При этом частная торговля теснейшим образом переплеталась с государственной торговлей: и гости и торговые люди гостинной и суконной сотен отбывали «государеву службу».

Открытие англичанами в 1553 г. Северо-Двинского пути положило прочное основание торговле московского государства с Западной Европой. Основание Архангельска в 1584 д. способствовало упрочению этих торговых сношений. В первой трети XVII в. Архангельск — весьма оживленный торговый порт, в который доставляются западные, «немецкие», товары в обмен на товары внутренних областей Московского государства, сибирскую «рухлядь» и товары «кизилбашские», персидские.

С открытием Северо-Двинского пути быстро развивается, как узловой торговый пункт, Великий Устюг — старое торжище русских промышленников и купцов. Кроме пути на Архангельск, через Великий Устюг шел торговый путь в Сибирь, на Вологду и верхнюю Волгу, на Ветлугу, Вятку, Каму, Казань и нижнее Поволжье. Выгодное географическое положение

¹ Еще образнее об этом рассказывает «Новый летописец»: «Всюду же сие промчеша собрание, и от многих градов привезоша многую казну в Нижний, и от градов ратные начаша съезжаться: первые приехаша коломничи, та ж рязанцы, последи же из градов украинских многие люди, и казаки и стрельцы, тии, которые сидели в Москве при царе Василии, и всем дадеся жалованье, и бысть там тогда во всех людях тишина» (см. М. Вяткин, Торговый капитал в России, М., 1927, стр. 117).

Беликого Устюга сделало его в XVII в. весьма значительным передаточным торговым пунктом. Здесь из среды черносошного крестьянства и посадского населения в конце XVI в. и в начале XVII в. выходит ряд представителей крупного торгового капитала. К ним принадлежат Ревякины, Федоровы, Момотовы, Грудцыны-Усовы и их родственники Босовы. Многие из них впоследствии становятся торговыми людьми гостиной сотни и гостями. Их предприятия охватывают всю северо-восточную окраину Московского государства, с далекой Сибирью включительно. Они поддерживают самую деятельную связь с купечеством волжских городов — Казани и Астрахани, через которые шла московско-персидская торговля.¹

Этой последней, торговле с Персией, московское правительство и, в частности, гости и торговые люди на протяжении всего XVII в. уделяют совершенно исключительное внимание.²

Это понятно. В то время, как торговля с Западной Европой осуществлялась почти исключительно через посредство иностранцев, в восточной торговле инициатива принадлежала в значительной степени московскому правительству и торговым людям. Ежегодно на казенных бусах по Каспийскому морю русские купцы плыли к Караганской пристани, где и происходил торг с армянскими, персидскими и индийскими «купчинами».³ Торговля Московского государства с Персией происходила уже в XVI в. Во второй же половине XVI в. происходит ряд событий, в высшей степени благоприятных для широкого развития дипломатических и торговых отношений между Московским государством и Персией. Так, в 1552 г. была уничтожена самостоятельность Казанского царства, а в 1557 г. — Астраханского царства. Это открывало для русской торговли свободный путь в Персию и другие страны Востока. Чтобы окончательно обезопасить волжский путь от нападения татар и ряда других приволжских кочевников, Московское государство построило на Волге ряд укрепленных городов: в 1586 г. был основан город Самара, в 1589 г. — Царицын, в 1590 г. — Саратов. После этого разгрома народностей, селившихся по волжскому пути, обмен посольствами между Московским государством и Персией делается регу-

¹ См. К. В. Базилевич, Торговля Великого Устюга в середине XVII века. Уч. Зап. Ин-та истор. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 89—102.

² В этом отношении весьма показательна прошедшая через весь XVII в. борьба русского купечества против участия западно-европейских купцов в персидской торговле и против разрешения персидским купцам торговать на внутреннем московском рынке.

³ См. Н. А. Бакланова, Ян Де-Грон — прожектор в Московском государстве XVII века. Уч. Зап. Ин-та истор. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 109—122.

лярным. С 1588 г. по 1620 г. посольства из Москвы в Персию и из Персии в Москву отправляются почти ежегодно.¹

Каковы же были цели этого оживленного обмена посольствами между Московским государством и Персией? Дипломатические и торговые цели посольств тесно переплетались между собою, причем политический элемент в этих сношениях занимал второстепенное место. Главной целью этих сношений было установление торговых связей, упорядочивание пошлин, охрана и защита гостей во время их пребывания в чужой стране.² Далее, в составе самих посольств обычно были и торговые люди. Так, в составе персидских посольств мы знаем купцов Ази-Хосрова и Хозю-Муртозю. С русскими посольствами также обычно отправлялись в Персию московские торговые люди — из самой Москвы и других крупных торговых центров.³

Итак, по содержанию наказов русским послам, по отчетным документам этих последних, по самому составу и московских и персидских посольств мы совершенно безошибочно можем считать, что основными целями оживленных дипломатических сношений Москвы с Персией на грани XVI—XVII вв. были цели торговые.

Кроме гостей и купчин, входивших в состав посольств и обычно осуществлявших торговлю «на государя», персидские и московские купцы вели между собой торговлю и по частной инициативе. Об этом сохранился ряд свидетельств. Так, персидский шах, прося в своих грамотах об освобождении от пошлин купцов с его товарами, не возражает против взимания пошлин с персидских купцов, торгующих с Московским государством по личной инициативе. О наличии частной инициативы со стороны русских

¹ См. Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, тт. I, II и III. СПб., 1890—1892. Вопрос о дипломатических и торговых сношениях между Московским государством и Персией освещается в работе А. Я. Шпакковского «Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв.» (см. Сборник статей. Студенческий историко-этнографический кружок, вып. VII, Киев, 1915).

² В ряде документов, относящихся к русско-персидским сношениям конца XVI в. и начала XVII в., мы встречаем ставшую стереотипной дипломатической формулой следующую фразу: «А гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ нашихъ государствъ ходити на обѣ стороны безо всякіе зацѣпки, и торговати на всякой товаръ повольною торговлею; а пошлинамъ лишнимъ и силе никоторой никакъ не быти; а имати на гостехъ тамга и пошлины, гдѣ в котором городе тамга и пошлины изстари ведетца. И зауморщивамъ на обе стороны не быти» (см. Н. И. Веселовский, *ibid.* т. II, стр. 138, 141—142).

³ В наказе послам, Леонтьеву в 1606 г. и князю Бярятинскому в 1618 г., мы находим следующие указания: «будеть которые торговые люди похотятъ с ними ѣхать въ Кизылбашни или ись которыхъ понизовыхъ городовъ, и Федору и Богдану взяти съ собой торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бѣ вѣрити мочно, съ поруками, кто бѣ былъ не воръ, не бражникъ, а бражниковъ, воровъ и иноземцевъ отнюдь никого не имати. а взяти съ собой человекъ до 7, и 8, а больше 10 человекъ не имати», (См. Н. И. Веселовский, *ibid.* т. III, стр. 235 и 356).

торговых людей свидетельствует ряд их челобитных о разрешении им торговых поездок в Персию. Так, в 1616 г. Родион Пушник просит разрешить ему «пойти с товаришком» в Персию вместе с послом Левонтьевым, и получает на это разрешение.¹

По ценности «товаришка» Родиона Пушника мы безошибочно можем судить, что только представители крупного торгового капитала начала XVII в. совершали поездки в «шахову область». Трудность пути, его продолжительность, замедлявшая торговый оборот, являлись причинами этого. Вот что везет с собою Родион Пушник: «одинадцать сороков соболей, двенадцать поставов сукна английского, тридцать пуд кости рыбы, пятнадцать дюжин зеркал хрустальных, четыре сорока харек».²

Первая треть XVII в. была эпохой расцвета восточной торговли с Персией, Индией³ и другими восточными странами. На большом торговом пути, соединявшем Восток с Московским государством, — Волге — быстро развивались торговые города: Астрахань, Казань и др. Казань, повидимому, была центром в торговле с Востоком. В самой Казани был особый персидский торговый двор, на посаде и в слободах всегда жило достаточное количество тезиков, армян и др. восточных купцов. Из Казани восточные товары шли в верховные города — Ярославль и Кострому и на северо-восток — в Вятку, Великий Устюг, Соль Вычегодскую, Холмогоры, Архангельск.

Крупная московская торговля в XVII в. имела ярко выраженный экстенсивный характер. Каждое торговое предприятие охватывало своими операциями ряд рынков, далеко отстоящих друг от друга. Это находит свое объяснение и в малой покупательной способности населения и в том, что большая часть этого населения, живя в условиях натурального хозяйства, удовлетворяла путем домашнего производства и через мелкие местные рынки свою потребность в предметах первой необходимости. «В крупном масштабе, — говорит Бахрушин С. В., — можно было вести торговлю лишь товарами, отсутствовавшими в домашнем хозяйстве или на местном рынке, преимущественно предметами иностранного ввоза».⁴

¹ См. В. Н. Кашин, Торговля и торговый капитал в Московском государстве, Л., 1925, стр. 153.

² Ibid.

³ Сведения о русско-индийских, преимущественно торговых, сношениях суммированы в исследовании М. Н. Сперанского «Сказание об Индейском царстве» (см. Известия по русскому языку и словесности Академии Наук, т. III, стр. 447—452).

⁴ С. В. Бахрушин. Агенты русских торговых людей XVII века (см. Уч. зап. Инст. ист. при РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 71).

Каждая торговая поездка обычно продолжалась несколько месяцев, а сплошь и рядом и несколько лет. Выработались определенные торговые маршруты, в зависимости от характера товаров, условий навигации, времени ярмарок и пр.

3

На основе даже этих весьма кратких, беглых и разрозненных исторических справок мы можем судить, как близко стоит к исторической действительности «Повесть о Савве Грудцыне» в тех случаях, когда она говорит о жизни и быте представителей крупного торгового капитала Московского государства начала XVII в. Совершенно понятен и исторически-правильно мотивирован переезд Фомы Грудцына из Устюга, тревожимого «нечестивыми ляхами», в «понизовой царственный градъ Казань. — Зане не бысть в понизовыхъ градѣхъ злочестивыя литвы». В сжатой характеристике торговой деятельности Фомы Грудцына мы открываем хорошо известные нам по историческим материалам черты — ее экстенсивный характер: «Обычай же имеяше той Фома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ Шахову область отъѣзжая, куплю творяше».

Здесь же мы находим описание весьма типичного для московской торговли XVII в. пути обучения торговому делу молодого купеческого сына: «тому же и сына своего Савву поучаше и нелѣстно такому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наслѣдникъ былъ имѣнія его».¹ Самая продолжительность торговых поездок Фомы и Саввы Грудцыных, равно как и те маршруты, по которым они совершают свои поездки, автором повести указываются с большой исторической точностью.

Непонятные на первый взгляд переезды Саввы Грудцына с «названным братом» из «Усольского града Орла» в Козьмодемьянск, Павлов перевоз и Шую приобретают черты совершенно реального торгового маршрута, если мы учтем, что это был один из обычных торговых путей, соединявших

¹ «В больших купеческих семьях, — говорит С. В. Бахрушин, — естественными помощниками главы дома являлись младшие сочлены — сыновья, младшие братья, племянники, внуки, которые... разъезжали с «торгом» по городам Руси и Сибири. Купеческая молодежь в этих поездках приучалась к торговому делу и подготовлялась тем к будущей самостоятельной работе... Так, будущий гость и строитель устюжских храмов, Афанасий Федотов, прошел первоначальную школу под руководством старшего брата Василия, посылавшего его в Сибирь «в приказчика место»; в не менее известной устюжской торговой фамилии Ревякиных младший представитель ее, Калина Исаков, фактически заправлял всеми делами отца Исаака и дяди Никифора Федоровых как на Устюге, так и в Архангельске и в Сибири» (См. С. В. Бахрушин, *ibid.*, стр. 72).

северо-восточные окраины Московского государства с его центральными городами.

Даже в деятельности фантастического «названного брата» Саввы Грудцына мы находим реалистические черты, характерные для торговых людей северо-восточной окраины Московского государства. Он, называя себя устюжанином, тоже из рода Грудцыных-Усовых, говорит о себе: «Аще ли же хоцеша видѣтися часто, то ищи мя всегда на конной площади, яко же рѣхъ ти: здѣ живу ради конныхъ покупокъ». А мы знаем по документам первой трети XVII в., что великоустюжские купцы по характеру своей торговли должны были заботиться о приобретении лошадей, так как в зимние месяцы подвозился в Великий Устюг на лошадях товар из Ярославля и затем по зимнему же пути направлялся в Сибирь, причем нередко одна партия товаров отправлялась не менее чем на 50 лошадях.¹

Говорит повесть и о вложении торгового капитала в сельское хозяйство. «Названный брат» Саввы на предложение последнего взять с собою в дорогу «нѣколько пенязей» замечает: «Или не видѣлъ еси славы отца моего, а не вѣси ли яко вездѣ села его суть? Да идѣже придемъ, тамо и денги у насъ будутъ, елико потребно». Вложение торгового капитала в сельское хозяйство было весьма заметным явлением в XVII в. Посланный в начале 40-х годов для сошного описания в Устюжский уезд подъячий Павел Давыдов учитывал возможность полного перехода черносошных земель в руки представителей крупного торгового капитала и монастырей.²

Вся эта зарисовка жизни представителей крупного торгового капитала первой трети XVII в. дается на фоне бурной исторической эпохи: революционных движений начала века и военных замыслов уже окрепшего после потрясений Московского государства. Войне с Польшей за обладание Смоленском, имевшим большое стратегическое и торговое значение, вопросам о наборе войск и их обучению повесть уделяет весьма большое внимание.

В связи с этими вопросами в «Повести о Савве Грудцыне» можно указать ряд весьма любопытных мест. Они в полном согласии с историческими данными прекрасно характеризуют положение в Московском госу-

¹ К. В. Базилович. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века, М., 1933, стр. 7.

² Вот что он доносил царю: «А только, государь, вперед те гостинные сотни богатые люди учнут жить на Устюге и твои государевы деревни они и в монастыри покупать и под заклады имать и насильством отнимать попрежнему, и за ними, государь, будет Устюжской уезд весь, и твои государевы крестьяне у них в половниках будут все, так же, как и за Строгановыми» (см. С. Веселовский, Акты писцового дела, т. II, стр. 378. Цит. по брошюре К. В. Базиловича, *ibid.*, стр. 27).

дарстве представителей крупного торгового капитала, их стремления и настроения.

У Котошихина мы находим следующее любопытное для нас свидетельство: «А изъ посадцкихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ крестьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не даетца никому; а кто посадцкой челоуѣкъ, или крестьянинъ, или кто-нибудь, отпустить сына своего на службу въ салдаты і въ рейтары, или въ приказе подьячимъ или инымъ царскимъ челоуѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малые чести дослужатся повыше, и за службу достануть себѣ помѣстья і вотчины, и отъ того пойдетъ дворянской родъ».¹ Здесь говорится о том пути, каким представители торгового капитала приобретали дворянство. Свидетельство Котошихина относится к середине XVII столетия. Применительно к первой трети XVII в. в него надо внести весьма существенную поправку: в это время в полки, организованные по иностранному образцу, торговых людей не записывали.

Формирование солдатских полков началось с 1630 г. в связи с грандиозной подготовкой к войне с Польшей. В 1632 г. был издан указ, в котором говорилось о наборе в полки: «а боярскихъ людей полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ и всякихъ крепостничьихъ людей и съ посадовъ тягловыхъ и съ (тягла) крестьян всякихъ людей и изъ ямскихъ слободъ и заповедныхъ людей» не имати.² Этим московское правительство рассчитывало сохранить от потрясений свою податную систему. На деле же получалось иначе. Несмотря на это запрещение, в войска, «избывая податей», нередко записывались люди, «общественное положение которых как раз мешало их прибору в солдаты и в стрельцы. В случае их обнаружения они выкидывались из рот и водворялись на старые места жительства в прежнее состояние».³ Но не всегда это можно было осуществить, и нелегально в московских войсках в эти годы, годы войны с Польшей из-за Смоленска, было много людей, не имевших на это права.

В «Повести о Савве Грудцыне» весьма обстоятельно описывается набор солдатских полков и служба Саввы в солдатском полку. И вот, когда Савва выдвинулся по службе, «по нѣкоему же случаю явственно учинися о немъ и самому царю». Заветную мысль Саввы выражает его «названный брат» в ответ на сообщение Саввы о предложении С. Л. Стрешнева взять его в дом свой: «почто убо хочещи презрѣти царскую милость и служить

¹ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. IV, СПб., 1906, стр. 28—29.

² Е. Сташевский. Смоленская война 1632—1634 гг., Киев, 1919, стр. 118—119.

³ Е. Сташевский, *ibid.*, стр. 119.

рабу его? Ты убо и самъ нынѣ в томъ же порядкѣ устроен; уже бо и самому царю знатенъ учинился еси, ни убо, не буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возвышенъ будеши». Здесь явственно звучит надежда на возможность выдвижения по службе благодаря личным заслугам. Подобного рода настроения в живой действительности заставили представителей крупного торгового капитала добиваться права быть написанными выше дьяков, а некоторым из них помогли действительно добиться дворянства. И в этом случае «Повесть о Савве Грудцыне» близка к исторической действительности.

Интересный эпизод повести — описание поединков Саввы Грудцына с польскими воинами и изгнание его Шейном из-под Смоленска под страхом смертной казни — совершенно непонятен без исторических комментариев. В действительности же он объясняется очень просто. Боярин Шейн начинает враждебно относиться к Савве с того момента, когда Савва выразит желание сражаться на поединке с польским воином. «Тогда же боярин, — говорится в повести, — повелѣ Савву привести пред себя, и повелѣ ему коня нарочита дати, и оружіе, мнѣвъ яко вскорѣ погибнути имать юноша от польского онаго воина страшна». После победы Саввы над вторым польским воином — «все удивляхуся храбрости его; бояринъ же разгнѣвася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своемъ». После же победы Саввы над третьим польским воином и проявленной им исключительной храбрости в последовавшем за этим сражении с поляками, сделавшими вылазку из Смоленска, боярин уже «не могій скрыти тайного гнева в сердцѣ своемъ», призывает к себе Савву. Этот ряд действий боярина Шейна совершенно ничем не мотивирован и в высшей степени странен со стороны главнокомандующего войсками Московского государства. Но он понятен, как выражение официального взгляда на Б. М. Шейна правящих классов (дворянства и купечества) Московского государства XVII в. Мы знаем, что Б. М. Шейн за неудачную осаду Смоленска был обвинен в измене и казнен в 1634 г. Для Шейна-изменника описанный в повести ряд действий вполне логичен.

Весьма любопытны и те доводы, на основании которых Шейн изгоняет Савву из войск. Призвав к себе Савву и узнав, что последний принадлежит к богатому купеческому роду Грудцыных-Усовых, боярин «начать всякими нелѣпыми словесы поносити его» и приказывает ему возвратиться к своим родителям, т. е. поступает согласно требований уже известного нам указа 1632 г., запрещавшего торговым людям посада поступать в войска.

Изменник боярин находит законные основания для изгнания из войск храброго и преданного своему отечеству купеческого сына — вот смысл всего этого эпизода, весьма характерный для той эпохи и той социальной группы, о которых говорится в повести.

Для «Повести о Савве Грудцыне» весьма характерна тенденция — точно указывать хронологические даты, топографические и географические названия, имена исторических лиц и пр. Так Фома Грудцын из Великого Устюга переселяется в Казань в 7114 г., видение Саввы происходит 3 июля, «чудо» над ним совершается 8 июля. Торговые маршруты с точным и правильным названием городов, как мы уже говорили, указаны в повести с исторической точностью. С такой же точностью дается и топография Москвы: местоположение церквей — Николы на Драчах, Казанской Богородицы, Успения Богородицы, Чудова монастыря и место жительства стрелецкого сотника Якова Шилова. Последний живет на Стретенке в Земляном городе в Зимине приказе. Действительно, еще в конце XVII в. «в конце Стретенки у вала мы находим стрелецкое поселение, на месте которого Петром I была построена в 1692—1695 гг. Сухарева башня в память, будто бы, заслуг Сухарева стрелецкого полка, оставшегося верным царю во время мятежа стрельцов».¹

Из исторических лиц, кроме Михаила Федоровича, автор повести упоминает о Шейне и С. Л. Стрешневе. Здесь обычная точность покидает автора повести: хорошо известного в Московском государстве, сначала национального героя, а потом — изменника, Бориса Михайловича Шейна, автор повести называет Федором Ивановичем; не менее известного в середине и во второй половине XVII в. Семена Лукьяновича Стрешнева автор повести называет боярином, применительно ко времени Смоленской войны (1632—1634 гг.), тогда как С. Л. Стрешневу в это время было 16—18 лет. Очевидно, это результат более позднего написания «Повести о Савве Грудцыне».

«Повесть о Савве Грудцыне» упоминает еще ряд второстепенных исторических лиц. Так, в повести есть упоминание о том, что «во градъ Шуу ради солдацкаго набору посланъ съ Москвы стольникъ Тимофей Воронцовъ». Действительно, в «Росписи хто въ городѣхъ, и приказныхъ людей и осадныхъ головъ нынѣшняго 138 году» мы находим указание: «В Шуѣ Петрѣ Микитинѣ сынѣ Вельяминовѣ, посланъ в 138 году въ Апрельѣ».² Учитывая,

¹ В. В. Нечаев Общий вид и внешний рост Москвы за XVI—XVII века (см. Москва в ее прошлом и настоящем, ч. II, вып. I, стр. 24).

² Временник Моск. общ. истор. и древн. росс., М., 1849, кн. IV, Смесь, стр. 31.

что Воронцовы имели двойную фамилию — Воронцовы-Вельяминовы, можно и в этом факте видеть историческое основание для соответствующего места «Повести о Савве Грудцыне».

Наконец, вне всякого сомнения и стрелецкий сотник Яков Шилов и его «сродница» («бѣ же сродница нѣкая у нихъ в домѣ царстѣмъ»), говорится в повести о Шиловых) являются также реальными лицами. О начальниках стрелецких войск Котошихин говорит: «Начальные люди у тѣхъ стрельцовъ головы и полковники, да полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники; а выбираютъ въ тѣ головы і въ полуголовыі въ сотники изъ дворянъ и изъ дѣтей боярских, а въ пятидесятники і въ десятники изъ стрельцовъ».¹ Нам известен род дворян Шиловых, представители которого служили в стрелецких войсках и стояли весьма близко к царскому дому. Так, по ряду документов мы видим, что в первой половине XVII в. служит сотником в стрелецких войсках Владимир Шилов, который во второй половине XVII в. находится при дворе в качестве «истопничаго государыни царицы».²

Сохранились также свидетельства о Татьяне Шиловой, боярыне, Кадашевской слободы приказной, которая по самому характеру своей деятельности — управление одной из хамовничьих слобод — должна была часто находиться при царском дворе. Впоследствии, во второй половине XVII в., она уже определенно находится при дворе, тоже, очевидно, в роли «истопчей».³ Очевидно, этих лиц имеет в виду автор «Повести о Савве Грудцыне», так как такое совпадение и имен и положений вряд ли можно считать чистой случайностью.

Итак, реальная обстановка жизни представителей крупного торгового капитала, их быт и торговая деятельность, с одной стороны, большие и ряд незначительных исторических событий первой трети XVII в., с другой стороны, — все это хорошо известно автору «Повести о Савве Грудцыне». Но самое главное — истолкование и освещение этих событий, идейная направленность повести, ее морально-религиозный тон — все это находит себе объяснение в совершенно иных условиях, чем те, о которых мы говорили выше. Главное в «Повести о Савве Грудцыне» становится понятным в условиях той эпохи, когда она была написана.

¹ Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, изд. IV, СПб., 1906, стр. 90.

² Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., 1911, т. I, стр. 189. Русск. Истор. Библ., т. XXII, Дела тайного приказа, СПб., 1904, с 1508, 1521, 1529.

³ Тр. Истор.-археограф. инст. Акад. Наук, Крепостная мануфактура в России, часть III, изд. 1932 г., стр. 17, 48, 93, 114, 125, 126, 136. — Дворцовые Разряды 1612—1700 гг., СПб., 1850—1855 гг., т. III, стр. 548—550.

Анализируя топографические названия, встречающиеся в «Повести о Савве Грудцыне», и ее исторические ссылки, мы можем определить время ее написания с довольно большой точностью.

В повести есть упоминание о том, что Савва остановился в Москве в доме стрелецкого сотника, жившего в Земляном городе.

Кольцо слобод, облежавших в XVI и XVII вв. Кремль, Белый-город и Китай-город, получило название — «Земляной город» только в середине XVII в. В 1588—1592 гг. все эти посады, слободы и села, в виду ожидавшегося нашествия крымского хана, быстро обносятся деревянными стенами из плотно и стоймя поставленных бревен, заостренных наверху. Местность эта в конце XVI и в начале XVII вв. называется Скородомом, вследствие скорой (быстрой) постройки домов, простых изб, или Скородумом, от скоро задуманной и выполненной постройки стен. Эти деревянные стены во время революционных событий начала XVII в. сгорели. В официальных документах, напр. в росписном списке 1638 г., местность эта называется «Старым деревянным городом», или по имени отдельных слобод, или просто — «за Бѣлымъ каменнымъ городом».¹ В 1637—1640 гг., при Михаиле Федоровиче, по черте сгоревших стен был насыпан земляной вал. Наименование этой местности Земляным городом постепенно начинает входить в живую речь и в середине XVII в. уже встречается в официальных документах. Так, в «Уложении» 1649 г. мы уже находим это название. «А выгону быти около Москвы, на стороны от Земляного города ото рву на 2 версты».²

Таким образом, наличность этого названия в тексте повести говорит о том, что она не могла быть написана раньше 1650 года.

Далее, в повести упоминается Семен Лукьянович Стрешнев. Автор повести называет его «боярином» и говорит о нем, что он «на Москве не малу область» имел, причем обо всем этом говорится в прошедшем времени.

Семен Лукьянович Стрешнев, судя по упоминаниям о нем в Дворцовых Разрядах, с 1631 г. по 1645 г. был стольником. 28 сентября 1645 г. он был «пожалован в кравчие». «Того жъ дни пожаловаль государь (Алексей Михайлович) въ крайчїе съ путемъ Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а крайчество сказываль ему постельничей Иванъ Михайловичъ Анич-

¹ Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., 1911, т. I, стр. 222, 234, 236.

² Первое полное собрание законов. Уложение 20 января 1649 г., гл. 19, ст. 6.

ковъ. И Гороховецъ Семену Стрѣшневу данъ».¹ Крайчим С. Л. Стрешнев пробыл до 1651 г. 30 марта 1651 г. он «пожалован в околничие». «Того жъ дни пожаловаль государь изъ дворянъ въ околничіе Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а околничество ему сказываль думной дьякъ Семень Заборовской».² Во время подготовки к войне с Польшей, в 1653 г., С. Л. Стрешнев был послан «въ Великій Новгородъ, собиратья с ратными людьми». В войну с Польшей он участвует во взятии городов Дисны, Друи, Озерища и Усвята в 1654 г., обнаруживая недюжинные способности в руководстве войсками. В феврале 1655 г. он отзывается в Москву, а 11 марта 1655 г. Алексей Михайлович «пожаловал» его в бояре. «И того дни, идучи въ соборную церковь къ молебну, былъ государь в золотой полатѣ и пожаловаль изъ околничих в бояре Семена Лукьяновича Стрѣшнева; а у сказки стоял околничей Ѳедоръ Кузмичъ Елизаровъ, а сказывал думной дьякъ Алмазь Ивановъ».³ С этого времени идет быстрое возвышение С. Л. Стрешнева при царском дворе. В 1656 г. ему «за службу» была пожалована «шуба отлась золотной, да кубокъ, да къ прежнему его окладу придачи «   » рублей».⁴ В этом же году он называется «бояриномъ и намѣстникомъ Нижняго Новгорода».⁵ В этом же 1656 г., он в качестве воеводы выполняет ряд ответственных военных операций против польских войск: в июле подготавливает взятие Диноборка, в августе подготавливает взятие Куконоса и лично ведет войска на приступ.⁶ За это царь пожаловал С. Л. Стрешневу «шуба отлась золотной, да кубокъ, да отлась золотной, да два сорока соболей, сто рублевъ денег».⁷ С 1657 г. по 1666 г., т. е. по год своей смерти, С. Л. Стрешнев стоит во главе Устюжской четверти.⁸

Итак, С. Л. Стрешнев был пожалован в бояре в 1655 г., большое же значение в управлении Московским государством он приобрел только в последние годы своей жизни, т. е. в 1657—1666 гг. в качестве боярина Устюжской Чети. То обстоятельство, что «Повесть о Савве Грудцыне» говорит об этом в прошедшем времени, нам кажется, свидетельствует о том, что она не могла быть написана раньше смерти С. Л. Стрешнева, т. е. 1666 г.

¹ Дворцовые Разряды 1612—1700 гг., СПб., 1850—1855 гг., т. III, стр. 15.

² Ibid., стр. 226.

³ Ibid., стр. 460.

⁴ Ibid. Пропуск числа рублей в издании «Дворцовых Разрядов». Дополн. к т. III, стр. 35.

⁵ Ibid. Дополн. к т. III, стр. 45.

⁶ Ibid., стр. 57, 63, 68.

⁷ Ibid., стр. 71.

⁸ Древняя Россійская Вивлиоика, 1791, ч. XX, стр. 405.

Время, позже которого «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана, можно определить, анализируя встречающиеся в повести наименования начальствующих лиц стрелецких войск и названия частей этих войск.

Стрелецкое войско во второй половине XVII в. делилось на приказы, в каждом из которых было от 200 до 1200 человек. Каждый приказ селился отдельной слободой и назывался по имени своего начальника — стрелецкого головы. Напр. «Олексѣева приказ Полтева», «Григорьева приказ Аничкова».¹

Стрелецкий голова подчинялся местному воеводе; под начальством же стрелецкого головы находились полуголовы, управлявшие половиною приказа, и сотники, стоявшие во главе сотен; в распоряжении сотников находились пятидесятники и десятники.

Таковым служебное устройство стрельцов было до 1682 г. В 1682 г. старая терминология стрелецких войск была заменена терминологией, давно уже принятой в солдатских частях. Приказы стали называться полками. С этого времени в документах мы находим новое обозначение приказов. Напр., «Матвеевъ полкъ Философова», «Родионовъ полкъ Остафьева», «Ильинъ полкъ Нармацкаго» и т. п.² Несколько раньше этого времени стрелецкие головы стали называться полковниками, стрелецкие полуголовы — подполковниками, стрелецкие сотники — капитанами. Так, в документе 1681 г. мы находим следующее место: «Да въ листу, каковъ данъ из Стрѣлецкаго приказу, написано: Великого Государя жалованья московскихъ приказовъ стольникомъ, и полковникомъ, и подполковником, и капитаномъ, дать въ годъ доведется 4827 рублей».³

В этом документе части стрелецкого войска еще называются по-старому, приказами, но должностные лица по-новому, так же, как и в солдатских частях.

«Повесть о Савве Грудцыне» знает старое деление стрелецких войск на приказы и старое обозначение должностных лиц в приказах. В ней мы читаем: «Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенкѣ в Земляномъ городе, в Зиминѣ приказѣ в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова». Эта терминология проходит через всю «Повесть о Савве Грудцыне». Весьма естественно предположить, что этой терминологии мы в повести не встретили бы, если бы она была написана позже 1682 г.

¹ Тр. Моск. отд. Русск. воен.-истор. общ., т. I, 1911, стр. 189, 197.

² Акты Археографической экспедиции Академии Наук, т. IV, 1836, стр. 410.

³ Ibid., стр. 347.

Итак, очевидно, что дату написания «Повести о Савве Грудцыне» мы должны искать между 1666 и 1682 гг.

Этот вывод с особой убедительностью подтверждается еще одним соображением. В «Повести о Савве Грудцыне» упоминается о «Зимине приказе». Во второй половине XVII в. среди стрелецких голов известен Зима Васильевич Волков. Исторические документы упоминают о нем с 1652 г. по 1668 г.¹ Мы не знаем точно, когда З. В. Волков умер, но, вероятно, это случилось вскоре после последнего упоминания о нем в «Делах Тайного приказа». В «Повести о Савве Грудцыне», очевидно, идет речь о его приказе, и соответствующее место в полном виде должно читаться так: «Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенкѣ в Земляномъ городе, в Зиминѣ приказѣ Волкова...» Так как, с одной стороны, «Повесть о Савве Грудцыне» не могла быть написана раньше смерти С. Л. Стрешнева, т. е. 1666 г., а с другой стороны, приказ, о котором в ней идет речь, мог называться Зиминым только при жизни Зимы Васильевича Волкова, т. е. до 1668 г., то очевидно, что «Повесть о Савве Грудцыне» была написана или в 1666—1668 годы или в ближайшее к этим годам время, пока в памяти современников З. В. Волкова по привычке еще сохранялось название «Зимина приказа».

5

В Московском государстве второй половины XVII в. происходит ряд экономических и политических событий, оказывающих весьма сильное влияние на жизнь той социальной группы, о которой говорится в «Повести о Савве Грудцыне».

Правда, и в это время, как и раньше, правительство Романовых идет навстречу требованиям гостей, выражаемым в их челобитных, и в своей торговой политике следует указаниям представителей крупного торгового капитала. Но по мере увеличения вывоза сырья (хлеба, льна, пеньки) из Московского государства в Западную Европу, быстро растет экономическое значение землевладельцев, — крупных помещиков-дворян, — и увеличивается их социальный и политический вес. Внимание правительства Московского государства все больше привлекается этой второй социальной группой. Внешне на положении посада и представителей крупного торго-

¹ Дворцовые разряды, т. III, стр. 270, 619, 620, 638. Дополнение к т. III Дворцовых разрядов, стр. 141, 146, 217; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией, СПб., 1869, т. VI, стр. 2 и 4; Дела Тайного приказа. Кн. 3. Русская Историческая Библиотека т. XXIII, СПб., 1904, стр. 606, 754, 759, 1514 и 1522.

вого капитала это сказывается в целом ряде фактов: полученные в середине XVII в. многими посадами прилегающие к ним земли постепенно — при поддержке суда — вновь переходят в руки феодалов. Наносится большой удар землевладению торговых людей — они теряют право владеть вотчинами (1666 г.). В середине XVII в. гости добились того, чтобы их писали выше дьяков, как можем мы судить об этом по Уложению. А десять лет спустя они теряют это место: в 1659 г. боярским приговором велено ставить дьяче имя выше гостинного.

Крупные изменения происходят в это время и в торговле. Мы знаем, что в первой половине XVII в. московская торговля идет по трем основным направлениям: к Архангельску — торговля с Западной Европой; к Астрахани — торговля с Персией, Хивой и другими восточными странами; в Сибирь — торговля полукOLONиального типа.

Во второй половине XVII в. положение торговли по всем этим трем направлениям начинает резко ухудшаться. Ухудшается сибирская торговля, так как меньше становится «мягкой рухляди» вследствие истощения соболиных промыслов. Интересы крупных помещиков замосковского края, ведущих торговлю хлебом и др. сельскохозяйственными продуктами с Западной Европой, усиливают значение торговли через Балтийские порты (Нарву, Ригу). Это в свою очередь способствует перемещению торговых путей, больно ударяя по северной торговле через Архангельск. Значительно ослабеваает и персидская торговля, так как Западный рынок к этому времени начинает получать персидские товары уже иными путями, а не исключительно через Московское государство. Некоторое представление об этом дают печатаемые ниже сведения о персидской торговле царской казны с 1663 г. по 1675 г. Правда, они не являются исчерпывающими для характеристики всей торговли Московского государства, но безусловно весьма показательны, так как государственные монополии занимали в торговле того времени весьма важное место.

Сведения о персидской торговле царской казны.

	Г	О	Д	Ы
	1663—1665	1666—1670	1670—1672	1674—1675
Куплено товаров . . .	73 378 р. 04 к.	63 979 р. 08 к.	22 561 р. 12 к.	15 949 р. 26 к.

Огромное падение персидской торговли совершенно бесспорно.

Начиная с середины XVII в. Московское государство вновь неоднократно потрясают народные восстания, далеко не безболезненно проходящие для развития крупного капитала. Так, в 1648 г. в Москве вспыхивает восстание, вызванное тяжелой налоговой системой (в частности — соляным налогом). В числе пострадавших был Назар Чистый, типичный представитель крупного торгового капитала. Назар Чистый был торговым человеком г. Ярославля, затем, получив звание гостя, он переехал в Москву. В 1647 г. он был пожалован «в думные дьяки».

Восстание 1648 г. оказало огромное впечатление на тех, против кого оно было направлено. В одном из частных документов это засвидетельствовано любопытнейшим образом. Вот что пишет Сенька Колтовской в своей грамотке от 26 июня 156 г., адресованной дядюшке Перфилию Ивановичу, близко стоявшему к пострадавшим во время восстания 1648 г. лицам: «пожалуй государь дядюшка Перфилий Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ... и нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводить, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да камениемъ, и ты государь насильства не заводи, чтобъ миръ не провѣдалъ, а надежа ваша с Иваномъ Владычкинымъ вся переслылась, и вы не надѣйтесь нынѣча: кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарій Чистой и съ деньгами пропалъ».¹

Этот документ с исключительной непосредственностью передает испуг, охвативший во время восстания 1648 г. правящие классы, уже начавшие забывать революционные бури начала века.

Еще большие потрясения произвел финансовый кризис 1660 — 1665 гг.

Финансовые дела Московского государства, одновременно бывшего в войне с Польшей и Швецией, оказались в очень затруднительном положении. Выход был найден в смелой финансовой мере: выпуске денег искусственной ценности. Уже с 1654 г. появляются медные деньги — полтинники, алтыны и пр.; они распространяются по курсу серебряных денег. Этот опыт сначала удался. В 1657—1658 гг. медные деньги ходили по нарицательной цене наравне с серебряными деньгами, хотя медь была в 60 раз дешевле серебра. Но правительству нужно было серебро для торговли с границей, приобретения оружия, найма иноземных войск. Оно всячески стремилось извлечь серебро; часть податей обязательно собиралась серебром.

¹ См. А. Зерпалов, О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. (Чтения в Общ. ист. и древн. рос., кн. III, 1890, стр. 21).

Выпуски медной монеты участились, и за несколько лет ее накопилось на огромную сумму в 20 миллионов рублей (340 миллионов руб. на наши деньги). Это нарушило спокойствие рынка. Страну охватил кризис. Быстро стали расти цены на продукты первой необходимости. Стоимость медного рубля упала в 17—20 раз.¹

Встревоженное правительство созывает в 1662 г. «гостей и гостинные и суконные сотни торговых людей» для того, чтобы выяснить — «от чего на Москве и в городах хлеб и всякие харчевые запасы и товары стали дороги и чем бы той дорогой цене учинить помощь». Дав весьма обстоятельное объяснение дороговизны, торговые люди замечают о себе: «и ныне они торговые люди стали без серебряных денег и без товаров и все ожидают себе конечные нищеты, да мы ж ныне торговые люди сверх того от нерассуждения стали возненавидены ото всех чинов за тое товарную продажу».² Результаты «нерассуждения ото всех чинов» быстро сказались: 23 апреля давали торговые люди свои объяснения, а в июле этого же (1662 г.) уже вспыхнуло в Москве открытое восстание, во время которого был, между прочим, разгромлен двор гостя Василия Шорина, вызывавшего особую ненависть восставших. Через год после восстания, 11 июня 1663 года царь Алексей, «умысля... чтобъ еще чего межъ людьми о денгах не учинилось», издал указ об изъятии медных денег и об уплате жалованья серебром.

Вне всякого сомнения, кризис 1660—1665 гг., падая всей тяжестью на плечи неимущих слоев населения, расстроив товарный рынок, отрицательно отразился и на торговле в целом.

Наконец, в 70-е годы происходит восстание Степана Разина. «Оно непосредственно связано с развитием торгового капитала. Его театром было Поволжье»,³ т. е. уже известный нам один из важнейших торговых путей Московского государства. Когда с укреплением турок в Азове, движение донского казачества на юг было прекращено, «казачество вынуждено было искать выхода в других направлениях, на юго-восток, и совершенно естественно оказалось на том торговом пути, который был так дорог для торгового капитала, — на Нижней Волге и Каспийском море».⁴ Борьба

¹ См. об этом весьма любопытную старую полузабытую статью Н. Суворова «О финансовом кризисе в России в 1659—1663 годах» (Архив Исторических и практических сведений, относящихся до России, 1863, кн. V, СПб., стр. 54).

² В. Н. Кашин. Торговля и торговый капитал в Московском государстве, Л., 1925, стр. 211.

³ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1934, стр. 59.

⁴ М. Н. Покровский, *ibid.*, стр. 60.

Московского правительства с Разиным очень губительно сказывалась на развитии торговли: казаки грабили крупных персидских и русских купцов, Московское правительство при подавлении восстания разрешало своим войскам грабить торговые ряды «молодших» людей посада: сапожников, красильщиков, мясников, рукавишников и пр., обычно становившихся на сторону восставших. Все это в конечном счете отражалось на торговле Московского государства в целом.

В такой исторической обстановке формировалась идеология представителей крупного торгового капитала второй половины XVII в. Ясно, что элементы пессимизма, некоторой неуверенности в своей судьбе, с одной стороны, и морально-религиозные настроения, с другой, — могли в это время найти себе место в миросозерцании этой социальной группы. А воля к жизни, стремление сохранять себя в эти моменты крупных социальных потрясений требовали поддержки не только со стороны войск и закона, все еще услужливо отдававшего в кабалу крупному торговому капиталу весь посад, всех этих «меньших», «молодших» и «черных людей», но также поддержки и на идеологическом фронте. Господствующие классы и в XVII в. укрепляли свои позиции не одним лишь голым насилием. Их интеллигенция, тогда еще в основном духовенство, при помощи литературы, живописи, архитектуры, церковного пенья, организации праздников и т. д., с одной стороны, организовывала сознание самих правящих классов, с другой, — соответствующим образом обрабатывала «общественное мнение» народных масс.

«Повесть о Савве Грудцыне» — один из тех памятников, задачей которых было нарисовать правильный жизненный путь представителя торгового капитала. Ее организующая роль совершенно бесспорна. Охрана семьи и брака, почтение к родителям, добросовестное отношение к своему делу, бережное отношение к своему состоянию, отстранение от ненужного торговому человеку участия в военном деле — в этом простой и понятный читателю конца XVII в. смысл «Повести о Савве Грудцыне». Все то, что нарушает эти основы поведения, — «от дьявола». Поэтому-то бес помогает Савве в его любви к жене Божена, в его честолюбивых замыслах выдвинуться, благодаря личным заслугам, в его военных похождениях, совершенно отрывая его от дела и ведя к «конечной» гибели. Автор конца XVII в. в аспекте своего времени увидел и осветил жизнь представителя крупного торгового капитала первой трети этого же века. Но повесть не до конца пессимистична. Она требует от представителей крупного торгового капитала определенного «порядливого житья», через которое можно спастись

от «конечной» гибели, так как «человѣколюбивый богъ долготерпѣливъ сый, ожидая нашего обращенія и неизреченными своими судьбами всякого человѣка приводитъ ко спасенію».

Этот вывод «Повести о Савве Грудцыне» должен был утешить даже и тех, кто в трудных социальных условиях оказывался неудачником.
